

УДК 316

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442

**«ЦИФРОВОЙ ЭКСПИБИЦИОНИЗМ»:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

**«DIGITAL EXHIBITIONISM»:
SELF-IDENTIFICATION IN THE INFORMATION SOCIETY**

В.В. Слюсарев¹, Т.М. Хусяинов²

V.V. Sliusarev, T.M. Husyainov

- 1) Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23/3
- 2) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12

1) National Research Lobachevsky state university of Nizhni Nivgorod,
23/3 Gagarina av., Nizhni Nivgorod, 603022, Russia

2) National Research University Higher School of Economics,
25/12 Bolshaya Pecherskaya st., Nizhni Nivgorod, 603155, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru; slyusarevvladimir@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается влияние интенсивного развития информационных и коммуникационных технологий на личность и восприятие ею своего места в социуме. Авторы обращаются к ключевым вопросам, обусловленным особенностью современной жизни – непосредственной связью с сетью Интернет: как воспринимается человеческое тело в виртуальном мире, что значит для человека постоянное присутствие в сети, так ли безопасен виртуальный мир для человека по эту сторону экрана. Анализ совокупности факторов проявления социальности и самоидентификации личности пользователя Глобальной сети позволяют поставить вопрос, а есть ли реальный человек в социуме без его виртуального аватара.

Abstract

The authors emphasize that the current state of culture is determined by information and communication technologies. The advantages of these technologies are unconditional, but the intensity of their implementation does not allow us to comprehensively consider them - we are always included in the process of their becoming. The authors focus their attention on elected problems - the existence of the body in real and virtual space, the constant involvement in communication in the network, the security of the information space and virtual communication for a real person. The totality of these problems allows one to say, on the one hand, about the illusory nature of modern society, of communication and of human, and, on the other hand, of the need for illusions for humanity in its everyday life. The authors concluded that immersed in the illusory world of digital reality, it is necessary to seek and find ways of preserving the real person, Homo Genus, at least until we ourselves become an illusion.

Ключевые слова: информационное общество, киберреальность, самоидентификация, виртуальная реальность, виртуальное пространство.

Keywords: information society, cyber-reality, self-identification, virtual reality, virtual space.

Введение

Современное состояние культуры задается Глобальной сетью Интернет. С момента массового распространения доступа к Сети общество изменилось раз и навсегда. Человек просыпается по будильнику, синхронизированному с сервером контроля времени, и, первым делом начинает проверять новые сообщения, пришедшие на e-mail, записи в онлайн-календаре, и, конечно же, сообщения и новости в социальных сетях, отклики («лайки» и комментарии) на собственные сообщения и медиафайлы, размещенные в Сети.

Проникновение виртуальных социальных сетей, социальных медиа в жизнь каждого человека не может не оказывать влияния на его жизненный мир (*Lebenswelt*). При этом наибольшее воздействие оказывается на подростков и молодежь – активных пользователей самых современных устройств и технологий, которые являются субъектами длящегося процесса социализации. Социальная среда, социальное пространство человека окончательно изменилось, расширившись до мегалитических масштабов. При этом включение в киберреальность приводит как к возникновению совершенно новых явлений, так и к трансформации уже существовавших ранее. Меняется отношение к своей личности, телу, социальному и физическому окружению.

Подобно тому, как в рыночной экономике существует явление «рыночной тяги», которое, с одной стороны, обоснованно стремлением рынка потреблять, а с другой – представляет собой необходимость для экономического субъекта постоянного производства инноваций, так и в современной социально-информационной коммуникации социальных сетей возникает явление «социальной тяги». Как и в экономических процессах, появляются два элемента. Первый побуждает человека к постоянному потреблению новой информации «о других» и «о мире» [Кутырев, 2007]. Так как скорость изменения социального дискурса невероятно возросла и «промедление [социальной] смерти подобно» – отсутствие обновления сведений о других приведет к определенного рода «выпадению» из социального дискурса. Чтобы быть в курсе дел, происходящих внутри социальных сетей, необходимо быть онлайн максимальное количество времени, иначе возникает риск (а вместе с ним и страх) оказаться на обочине коммуникации. Второй элемент – постоянная необходимость публиковать информацию о себе, как единственный способ подтвердить свое существование. При этом, разумеется, требуется создавать о себе как можно более интересный контент, который бы говорил, что ты не существуешь обыденной жизнью, а живешь увлекательно и лучше других. Иными словами, возникает давление социальной сети на личность, которая требует от нее максимум оригинального и медийного контента.

Совокупность подобных изменений социальной среды человека, тем более в столь краткий срок, неизбежно ведет к развитию разного рода частных девиаций.

Виртуальное пространство и реальное тело

Несмотря на высокое включение в виртуальное пространство личности современного человека, он по-прежнему не может «оторваться» от своего тела. И именно это тело (а точнее – его образ) становится одним из важнейших атрибутов виртуальной социальной жизни. Пользователи социальных сетей размещают свои фотографии, фотографии окружающих людей и среды – селфи, групповые снимки, фотографии на фоне различных объектов и т.д. На этой волне приобретают особую популярность социальные сети, основанные на распространении и обмене личными фотографиями и видеоматериалами (например, Инстаграм).

Тело, зафиксированное на фотографии и видео, становится объектом потребления для окружающих, удовлетворения собственного эго, собственной потребности в социальном признании, самоутверждении в качестве востребованного товара. Исследователи отмечают рост значение социальной сети Инстаграм, как особого жанра виртуальной коммуникации, который приобретает все большее значение [Caerols-Mateo et al., 2013; Карпоян, 2015].

Растет число видеоблогеров, инстаграм-блогеров, моделей, фотографов и операторов, а также тех, кто занимается «оформлением» тела для дальнейшей съемки – визажисты, стилисты, костюмеры. Целая сфера в индустрии развлечений обеспечивает человека «красивым телом» в виртуальном пространстве. Более того, огромное внимание стало уделяться «здоровому образу жизни», ключевым элементом здоровья в котором является внешний вид. Необходимость выглядеть как модель подчас становится важнее здоровья человеческого тела как комплексного явления. Возник целый кластер услуг по продаже «здорового питания», стимуляторов мышечной активности, энергетиков и т.п., а также тех, кто демонстрирует другим пользователям подобный образ жизни – блогеров, транслирующих его в различных социальных медиа. В конечном итоге это ведет к созданию иллюзии здорового крепкого человека, хотя в реальности большая часть его «сил» питается за счет фармакологических стимуляций.

Другое направление связано с созданием разного рода эффектов («фильтров») для фото- и видеоматериалов, которые приносят в аналоговое изображение совершенно нереальные черты. Создание цифрового аватара в сети не обязывает быть на него похожим. Человек начинает стремиться к виртуальному присутствию, цифровизации собственного «Я», созданию его не столько симуляции, сколько симулякра. Ведь не только виртуальный образ, но и манера поведения или образ жизни могут отличаться у реального человека и его цифровой версии. Создается еще одна иллюзия – иллюзия тотального счастья и благоденствия. Подобно жителям Изумрудного города, мы смотрим на окружающий нас мир сквозь призму (одно из популярных приложений с набором фильтров так и называется – Prisma) виртуальной социальной реальности, которая превращает ее в идиллическую картину тотального утопического «всесчастья». Невольно вспоминается О. Хаксли с его «Сомы грамм и нету драм» [Huxley, 2017], где «сома» современного человека – это «Фейсбук» (Facebook), «В Контакте», «Инстаграм» (Instagram).

Жизнь в режиме онлайн

Последние несколько лет можно охарактеризовать как бум распространения различных мобильных устройств, которые стали заменой большинству технических средств. Практически у каждого человека есть мобильный телефон, все больше людей начинают пользоваться мобильным интернетом, что приносит огромные потоки информации в их жизнь. Причем оторваться от этого становится очень сложно. Большинство контактов переходит из телефонной книжки в социальные сети и электронную почту. Обязательным атрибутом путешествия или важного события в жизни пользователя становится публикация фотографии или текста.

Поэтому отрыв от Глобальной сети может переживаться болезненно и вызывать отторжение, панику. В контексте глобализации и информатизации человек привык к возможности постоянного взаимодействия с другими, находящимися в любой точке мира. Как это описывал Зигмунд Бауман в работе «Европа незнакомцев», теряются контакты с близкими/ближними и возникают на смену им коммуникации с теми, кто находится далеко. При этом такие связи, с одной стороны, достаточно «хрупкие», так как утрата доступа к сети может отсечь человека от привычного для него окружения, оставив в одиночестве. С другой стороны, эти контакты более «гибкие», так как человек общается с тем, с кем и когда ему этого хочется. Наибольший уровень одиночества отмечается там, где высок уровень распространенности социальных медиа. При этом сами социальные сети – платформы – должны ослаблять чувство одиночества, в особенности те, которые основаны на фотографиях. Как продемонстрировали современные психологические исследования, именно использование социальных сетей, основанных на изображениях, расширяют социальное присутствие личности, снижает чувство одиночества и увеличивает ощущение счастья [Pittman, Reich, 2016].

Высокий уровень именно виртуальной коммуникации может стать основой для проблем в определении эмоционального состояния других людей и, как следствие, низкой эмпатийности и сосредоточенности на собственных негативных переживаниях. Совокупность подобных факторов может привести к возникновению делинквентного поведения [Белобрыкина, Лимонченко, 2017]. Кроме того, в контексте некоего фихтевского противопоставления «Я – не Я», человек оказывается в ситуации, которая позволяет ему снять с себя груз ответственности. Помимо внутреннего оппонента, всегда присущего сознанию, появляется (а подчас и замещает его) внешний, представленный в виде социума. Любое решение можно обсудить, всегда можно спросить совета, получить рекомендации. И сделать это можно быстро, в любом месте и времени. Таким образом формируется определенного рода внешняя, социальная нравственность, обусловленная наличием доступа к Сети. Принятие решения более не является исключительностью субъекта как тела – субъект становится внетелесным. Любое действие выносится на коллективное обсуждение, а автор – на суд лайков и комментариев. Подобная нравственность формируется в условиях отсутствия традиционных ценностей, которые бы задавали границы допустимого [Кутырев, 2015]. Отсутствие регламентации в Интернете позволяет совершать там все, что будет угодно – в том числе и то, что недоступно/запрещено в реальной жизни.

Вместе с исчезновением доступа к Глобальной сети, человек теряет часть или даже все социальные контакты, оказывается замкнут и не имеет возможности демонстрировать другим свою жизнь и получать «одобрение» в виде различных виртуальных средств – смайликов, оценок, комментариев. Поэтому все больше людей предпочитают оставаться постоянно в режиме онлайн. Также это может быть связано со спецификой их деятельности, так как для ряда современных профессий отключение от потока актуальной информации чревато негативными последствиями (неполучением важных сообщений от коллег, поручений от начальства и т.п.), к тому же в условиях флексибилизации работник должен быть доступен в любую минуту, в противном случае он может быть заменен другим.

Подобное положение связано с тем, что число стандартных рабочих мест сокращается и нарастает процесс прекаризации, увеличивается доля прекаритета и самозанятых, чей труд практически полностью лишен социальных гарантий. Вместе с изменением социума человек лишается и привычного ему социального обеспечения – он перестает быть в безопасности от неожиданностей, связанных с его реальным телом – болезней, травм, недомоганий.

Ведение публичных страниц в различных социальных медиа является неотъемлемой частью имиджа человека или компании. Поэтому практически у всех известных людей есть персональные страницы, а также продуманная стратегия по их наполнению, т.к. это является важной составляющей их образа, а вместе с ним и востребованности. Однако при этом количество данных страниц никак не регламентировано и имеет лишь условную связь с реальным человеком. Иными словами, один и тот же человек может иметь несколько вариаций самого себя и/или собственного имиджа. Так, например, чувство анонимности и безопасности позволяет людям выкладывать в сеть видео откровенного содержания или выступать в качестве модели на сайтах, предлагающих услуги виртуального секса. Отсутствие внешнего контроля приводит к регламентации исключительно внутренней нравственностью. Невозможность какой-либо идентификации аватара и реального человека создают иллюзию безопасности и конфиденциальности.

Кроме того, нередко возникают копии, так называемые фэйки, известных людей или брендов, авторы которых, пользуясь большим числом открытых сведений, могут создать публичный профиль и продвигать его под видом подлинного [Vishwanath A., 2015]. Но и обычный человек, предоставивший в Сеть и открытый доступ большое количество личных данных, рискует потерять свою виртуальную идентичность и быть «украденным». Это ставит серьезный вопрос о безопасности личных данных в контексте информационной реальности.

Открытый мир: безопасность или ее иллюзия

Несмотря на то, что целая категория пользователей стремится сохранить свою анонимность, тяга к размещению фотографий своего тела в виртуальном пространстве может сохраняться. Результатом этого является создание особых эффектов – «фильтров», скрывающих лицо, но сохраняющих телесность человека. Также люди активно используют возможности сохранения анонимности и произвольной самопрезентации (вместо личных фотографий используют сторонние изображения, а вместо настоящего имени – псевдоним (никнейм)). Однако даже при стремлении скрыть свою личность размещают какую-то информацию о себе, своих мыслях и чувствах. Примером подобных пользователей могут быть сетевые художники, которые скрывают свои персональные данные, однако делятся своим творчеством, пишут доступные для других пользователей сообщения, отвечают на вопросы и т.д. [Чеснокова, 2018]. При этом, как демонстрируют исследования, именно опосредованность коммуникации при помощи технических средств влияет на большую открытость пользователей [Misoch, 2015].

Стоит отметить, что социальные сети в частности и Глобальная сеть в целом не являются пространством бесконтрольного распространения информации, так как в большинстве государств мира принимаются законодательные акты, призванные контролировать и ограничивать действия, способные навредить как отдельной личности, так и целым социальным группам. Так, сообщения оскорбительного характера или же распространение чужой личной информации могут быть пресечены со стороны не только органов правопорядка, но и администрации социальных медиа. Примечательно, что на волне популярности определенных стандартов красоты и распространении этих образов с определенным текстом возникают проблемы, порождаемые нарушением пищевого поведения в угоду моде. Примером подобного феномена стал рост сообществ, ориентированных на расстройство пищевого поведения (pro-ED), которые позиционируют его как альтернативный образ жизни, а не угрозу здоровью [Arseniev et al., 2015]. Реакцией со стороны администрации социальной сети Инстаграм стала фильтрация сообщений по ключевым словам. Для того, чтобы обезопасить пользователей от фейковых аккаунтов, вводятся системы аутентификации и верификации, связанные с реальными документами пользователей.

Другим примером защиты частной жизни со стороны самих социальных медиа, стало введение модерации медиафайлов после распространения феномена «порномести», когда один из партнеров после разрыва отношений выкладывал фотографии и видео интимного или даже сексуального характера с участием другого в социальные сети. После волны подобных случаев в социальной сети Facebook возник фильтр на основе нейросети, который удаляет подобные видео как из общего доступа, так и из личных сообщений [Кречетова, 2017]. В тоже время в американском обществе происходят процессы криминализации данного явления [Chancellor et al., 2016], однако законотворческий процесс требует достаточно большого количества времени, а также не может предотвратить подобные ситуации, но имеет возможность наказать виновных.

Как уже было обозначено, на данный момент в Сеть с добровольного согласия пользователей попадает огромное количество их личных данных. Введение разного рода верификаций осложняется проблемой, вызванной невозможностью отличить реального пользователя от виртуального, так как в ряде случаев злоумышленники могут располагать копиями документов пострадавшего. В подобном случае социальная социальная сеть сталкивается с длительной процедурой идентификации нескольких виртуальных аватаров и попытками понять, кто же из них более реален.

Попытка защитить пользователей с позиции законодательства сталкивается с двумя фундаментальными проблемами. Первая из них – инерция законотворческих органов, которые не могут соперничать в оперативности и сложности построений свода законов с развитием информационно-цифровых технологий. Так, нормы регулирования Интернет-занятости появились лишь через несколько лет после распространения самого феномена и

далеко не во всех странах [Сизова, Хусяинов, 2018]. Как правило, законодательство предусматривает меры борьбы лишь с реальными последствиями цифровых правонарушений, не затрагивая собственно цифровую сферу [Lillis D. et al., 2016]. В качестве примера можно привести ситуацию с онлайн-казино или группами/сайтами с порнографией. Так, для их блокировки требуется официальное решение суда общей юрисдикции, что, соответственно, требует полноценного уголовного процесса, который занимает довольно продолжительное время. В то же время создать новый сайт/группу – дело нескольких минут. Это приводит ко второй проблеме регламентации Интернета – распространенности данных в Сети, для которой фактически не существует границ государств, а вместе с ними не существует и определяемых этими границами государственных законодательных норм.

Происходящее в информационной сфере очень схоже с тем, что происходит в трудовой сфере – рост числа независимых профессионалов. В новых условиях человек принимает основные риски на себя, он самостоятелен и независим, способен принимать решения, однако и ответственность за них ложиться на него. Формируется так называемый плоский мир – третья стадия глобализации, описанная Томасом Фридманом [Фридман, 2007], когда её участниками становятся отдельные индивидуумы и малые группы.

Заключение

Подводя итог, отметим, что современный человек буквально «оплетен» информационными потоками, в связи с чем очень открыт окружающему миру. Теперь любой желающий может на его личной странице в социальных сетях узнать о наличии близких отношений с кем-то, месте работы и должности или увидеть фотографии домашнего питомца, узнать привычки и вкусы. Пользователь ежедневно оставляет в Сети «следы», делая комментарии, выкладывая сообщения и фотографии, слушая музыку и смотря видео, при этом многие стремятся сделать свой контент как можно более массовым, чтобы наибольшее число пользователей с ним ознакомилось. Таким образом, найти информацию о любом человеке и его активности в Глобальной сети становится все проще, а с развитием цифровых технологий это занимает все меньше времени и требует все меньше усилий, так как нейросети в сочетании с машинным обучением и Большими данными (Big Data) способны делать это очень эффективно.

Другой важный аспект связан с развитием виртуальной коммуникации. В данном случае мы можем говорить как о позитивных моментах, когда человек устанавливает дружеские отношения, так и о негативных, когда появляются такие проблемы, как кибербуллинг. Высокий уровень открытости данных конкретного человека может дать большие возможности для различных противоправных действий против личности. Так, отметка о месте нахождения может быть использована как для причинения вреда самому человеку, так и его собственности во время его отсутствия; размещенные личные сведения могут стать основой для травли или шантажа; нарастающее число открытых личных данных становится основой для мошенничества и обмана, т.к. преступник имеет возможность всесторонне изучить свою жертву.

Кроме того, растущее число ложных новостей на волне феномена постправды и фейковой журналистики приводит к недоверию к традиционным СМИ и заставляет человека искать информацию в иных источниках. Сеть приобретает статус нового публичного пространства [Казаков, Кутырев, 2013]. У человека формируется доверие к Сети, где меняются традиционные понятия достоверности и доверия, формируется собственная когнитивная эвристика в оценке этой достоверности [Metzger, Flanagan, 2013]. Сеть становится не просто виртуальной реальностью наподобие событий в книгах – она трансформируется в онтологически самостоятельный подвид реальности. Для среднестатистического человека Сеть наполнена целым спектром иллюзий, который предоставляет доступ не только и не столько к личным данным, сколько к личности пользователя в целом. При этом доступ получают не только избранные, как может показаться, но и опосредованно любой пользо-

ватель Сети. Подобное явление напоминает такую форму девиации, как эксгибиционизм, однако выраженный на совершенно ином онтологическом и психологическом уровне. Человек получает множество эмоций, удовлетворяющих его социальные, статусные, творческие и сексуальные потребности, посредством выставления напоказ всего себя. Самоутверждение в сети может принимать самые разные формы. Например, на волне открытости, в частности создания наукометрических баз данных, растет феномен «хиршемания» среди ученых [Белобрыкина, 2017], которые стремятся повысить свой индекс Хирша любыми способами не только ради заполнения отчетов, но и повышения своего статуса среди других исследователей и собственного самоудовлетворения. При этом совершаются подобные действия не только сознательно, но и неосознанно, лишая человека возможности отказаться от этого способа получения эмоциональной отдачи.

На смену открытости с «близкими», приходит открытость с «дальними», а глобализация затрагивает не только экономику и политику, но и личность человека, поскольку каждый активный пользователь Глобальной сети также становится «глобальным» и стремится выделиться среди миллионов других, делая это при помощи размещаемого контента. Погрузившись в иллюзорный мир цифровой реальности, современному обществу необходимо искать и находить пути сохранения реального человека, Homo Genus, хотя бы до тех пор, пока человечество само не стало иллюзией.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Козволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

Список литературы

1. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. 2017. Факторы возникновения делинквентного поведения в подростковом возрасте: литературный обзор зарубежных исследований. В кн.: Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2-х т. Т. 2. Нижний Новгород, НИСОЦ: 78–82.
2. Белобрыкина О.А. 2017. Хиршемания как форма аддиктивной-виктимного поведения научных и педагогических кадров в современных условиях. В кн.: Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск, НГПУ: 69–82.
3. Казаков М.Ю., Кутырев В.А. 2013. Интернет как сетевая публичная сфера. Современные проблемы науки и образования, 3: 449. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20909464> (дата обращения 15.07.2018)
4. Карпоян С.М. 2015. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 12, Ч. III: 84–88. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_12-3_21.pdf (дата обращения 15.07.2018)
5. Кречетова А. Facebook против мстителей. Как соцсеть будет бороться с публикацией интимных фото. Forbes. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnologii/352517-facebook-protiv-mstiteley-kak-socset-budet-borotsya-s-publikaciey-intimnyh-foto> (дата обращения 15.07.2018)
6. Кутырев В.А. 2015. Глобальный челове(й)ник: превращение в технос. Философия хозяйства, 6: 247–258.
7. Кутырев В.А. 2007. Человек потребляющий. Философия хозяйства, 6: 99–112.
8. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. 2018. Интернет-занятость: инновационные формы и деформированные состояния. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 1: 37–45.
9. Фридман Т.Л. 2007. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., Аст, 608. (Friedman T. 2005. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. Farrar, Straus and Giroux, 448.)

10. Чеснокова А.С. 2018. Идентичность сетевых художников (на примере социальной сети Twitter). Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». М., МАКС Пресс: 1-2. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/5000/report/request_302258/76552/uid250277_report.pdf?t=1519896270 (дата обращения 10.06.2018)
11. Arseniev A.A., Hooper L., Lee H., McCormick T., Moreno M. 2015. Pro-Eating Disorder (pro-ED) Social Interaction on Twitter. *Journal of Adolescent Health*, 56(2): 21. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2014.10.042
12. Caerols-Mateo R., Tapia Frade A., Soto A.C. 2013. Instagram, la imagen como soporte de discurso comunicativo participado. *Revista de Comunicación Vivat Academia*, XV(124): 68–78.
13. Chancellor S., Pater J., Clear T., Gilbert E., De Choudhury M. 2016. #thyghgapp: Instagram Content Moderation and Lexical Variation in Pro-Eating Disorder Communities. *CSCW '16 Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. New York: ACM: 1201-1213. DOI: 10.1145/2818048.2819963
14. Huxley A., 2017. *Brave New World*. N.Y.: Harper pbl.: 272 p.
15. Lageson S.E., McElrath S., Palmer K.E. 2018. Gendered Public Support for Criminalizing «Revenge Porn». *Feminist Criminology*, 0: 1-24. DOI: 10.1177/1557085118773398
16. Lillis D., Becker B.A., O'Sullivan T., Scanlon M. Current Challenges and Future Research Areas for Digital Forensic Investigation. 11th Annual ADFSL Conference on Digital Forensics, Security and Law (CDFSL 2016), Daytona Beach, Florida, USA, 24-26 May 2016. URL: <https://researchrepository.ucd.ie/handle/10197/8126>
17. Metzger M.J., Flanagin A.J. 2013. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics*, 59: 210-220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012
18. Misoch S. 2015. Stranger on the internet: Online self-disclosure and the role of visual anonymity. *Computers in Human Behavior*, 48: 535-541. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.027
19. Pittman M., Reich B. 2016. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words. *Computers in Human Behavior*, 62: 155–167. DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.084
20. Vishwanath A. 2015. Habitual Facebook Use and its Impact on Getting Deceived on Social Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1: 83-98. DOI: 10.1111/jcc4.12100

References

1. Belobrykina O.A., Limonchenko R.A. 2017. Faktory vznikoveniya delinkventnogo povedeniya v podrostkovom vozraste: literaturnyi obzor zarubezhnykh issledovaniy. [Factors in the occurrence of delinquent behavior in adolescence: a literature review of foreign studies]. In: *Transformatsiya chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh III Vserossiyskogo nauchnogo foruma «Nauka budushchego – nauka molodykh»* [Transformation of human potential in the context of the century: materials of the International Scientific and Practical Conference in the framework of the III All-Russian Scientific Forum "The Science of the Future - Young Scientists"]. V 2-kh t. Vol. 2. Nizhniy Novgorod, NISOTs: 78-82.
2. Belobrykina O.A. 2017. Khirshemaniya kak forma addiktivnoi-viktimnogo povedeniya nauchnykh i pedagogicheskikh kadrov v sovremennykh usloviyakh. [Hirschmania as a form of addictive-victimized behavior of scientific and pedagogical personnel in modern conditions]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskaya otsenka riskov sovremennoy real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe*. Novosibirsk, NGPU: 69-82.
3. Kazakov M.Yu., Kutyrev V.A. 2013. Internet as a network public sphere. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 3: 449. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20909464> (accessed 15 July 2018) (in Russian)
4. Karpoyan S.M. 2015. Instagram as a special genre of virtual communication. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12, Part III: 84-88. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_12-3_21.pdf (accessed 15 July 2018) (in Russian)

5. Krechetova A. Facebook against the Avengers. How sotsset will fight with the publication of intimate photos. Forbes. Available at: <http://www.forbes.ru/tehnologii/352517-facebook-protiv-mstiteley-kak-socset-budet-borotsya-s-publikaciey-intimnyh-foto> (accessed 15 July 2018) (in Russian)
6. Kutyrev V.A. 2015. Global man (yoni) to: the transformation into technos. *Filosofiya khozyaystva*, 6: 247-258. (in Russian)
7. Kutyrev V.A. 2007. The person consuming. *Filosofiya khozyaystva*, 6: 99-112. (in Russian)
8. Sizova I.L., Khusyainov T.M. 2018. E-work: innovative forms and deformed states. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 1: 37-45. (in Russian)
9. Fridman T.L. 2007. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Moscow, Ast, 608. (Friedman T. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Farrar, Straus and Giroux, 448.) (in Russian)
10. Chesnokova A.S. 2018. Identity of network artists (on the example of social network Twitter). In: *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2018»*. Moscow, MAKS Press: 1-2. Available at: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/5000/report_request_302258/76552/uid250277_report.pdf?t=1519896270 (accessed 10 Juny 2018) (in Russian)
11. Arseniev A.A., Hooper L., Lee H., McCormick T., Moreno M. 2015. Pro-Eating Disorder (pro-ED) Social Interaction on Twitter. *Journal of Adolescent Health*, 56(2): 21. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2014.10.042
12. Caerols-Mateo R., Tapia Frade A., Soto A.C. 2013. Instagram, la imagen como soporte de discurso comunicativo participado. *Revista de Comunicación Vivat Academia*, XV(124): 68-78.
13. Chancellor S., Pater J., Clear T., Gilbert E., De Choudhury M. 2016. #thyghgapp: Instagram Content Moderation and Lexical Variation in Pro-Eating Disorder Communities. *CSCW '16 Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. New York: ACM: 1201-1213. DOI: 10.1145/2818048.2819963
14. Huxley A., 2017. *Brave New World*. N.Y.: Harper pbl.: 272 p.
15. Lageson S.E., McElrath S., Palmer K.E. 2018. Gendered Public Support for Criminalizing «Revenge Porn». *Feminist Criminology*, 0: 1-24. DOI: 10.1177/1557085118773398
16. Lillis D., Becker B.A., O'Sullivan T., Scanlon M. Current Challenges and Future Research Areas for Digital Forensic Investigation. 11th Annual ADFSL Conference on Digital Forensics, Security and Law (CDFSL 2016), Daytona Beach, Florida, USA, 24-26 May 2016. URL: <https://researchrepository.ucd.ie/handle/10197/8126>
17. Metzger M.J., Flanagin A.J. 2013. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics*, 59: 210-220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012
18. Misoch S. 2015. Stranger on the internet: Online self-disclosure and the role of visual anonymity. *Computers in Human Behavior*, 48: 535-541. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.027
19. Pittman M., Reich B. 2016. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words. *Computers in Human Behavior*, 62: 155-167. DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.084
20. Vishwanath A. 2015. Habitual Facebook Use and its Impact on Getting Deceived on Social Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1: 83-98. DOI: 10.1111/jcc4.12100

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. 2019. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификация личности в условиях информационного общества. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 434–442. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442

Sliusarev V.V., Husyainov T.M. 2019. «Digital exhibitionism»: self-identification in the information society. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 434–442 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442